

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ ИГРЫ

Дело о посылке русского агента в Тибет (1869-1873)

А.И. Андреев

Начало исследования Тибета русскими путешественниками-географами, как известно, неразрывно связано с именем Н.М. Пржевальского. Правда, справедливости ради надо сказать, что задолго до Пржевальского, в первой половине XIX столетия (и даже ранее) на заоблачное Тибетское плато поднимались алтайские староверы, искатели сокровенного Беловодского царства, о чем свидетельствуют встречающиеся в их записках географические топонимы, такие как Богогорше, Ергор и другие [1]. Что касается Пржевальского, то он впервые заговорил о Тибете в январе 1867 г., во время встречи в Петербурге в стенах Императорского Российского географического общества (ИРГО) с П.П. Семеновым (председателем отделения физической географии Общества). Пржевальский развил перед знаменитым географом грандиозный план исследования Центральной Азии. Однако Совет РГО не счел возможным поддержать проект молодого офицера, еще ничем не отличившегося на поприще географической науки. Вместо Центральной Азии и Тибета начинающий путешественник, по совету Семенова, отправился на Дальний Восток исследовать малоизученный Уссурийский край, лишь недавно присоединенный к Российской Империи.

Эта первая проба сил оказалась более чем успешной, и вернувшись в Петербург через два года Пржевальский вновь поднимает вопрос об организации экспедиции в Центральную Азию. На этот раз Географическое общество отнеслось к планам путешественника куда более благосклонно — чему в немалой степени способствовала их поддержка русским посланником в Пекине А.Е. Влангали — и в том же году (1870) Пржевальский начинает свое первое большое путешествие по Центральной Азии, завершившееся на Крыше мира — в Тибете (1873). Все эти факты хорошо известны биографам Пржевальского, однако никто из них

не пишет о том, что приблизительно за год до начала этой экспедиции РГО совместно с Главным штабом планировали отправить в Лхасу агента для сбора сведений о Тибете. Этот весьма примечательный факт совершенно ускользнул от внимания исследователей, хотя, несомненно, заслуживает отдельного рассказа, которому и посвящена настоящая статья.

В 1860-1880 гг., с приходом на пост военного министра Д.А. Милютина, Россия активизирует свою среднеазиатскую политику. В 1863 году Санкт-Петербург принимает решение перейти к военным действиям с целью соединения Оренбургской и Сибирской оборонительных линий. Этот шаг положил начало территориальным захватам России в Средней Азии — завоеванию Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, что привело к значительному обострению давнего англо-русского соперничества в регионе.

Не менее остро развивались события в этот период и в другой части материка — в Центральной Азии, где Россия и Англия также стремились распространить свое военно-политическое и экономическое влияние. Англия прилагала усилия, чтобы привлечь на свою сторону Якуббека — правителя феодального государства Йеттышар («Семиградье»)*, возникшего в Кашгаре (Восточном Туркестане) в 1865 году в результате антицинского уйгурско-дунганского восстания, и использовать его в борьбе с Россией. Пытаясь препятствовать этим планам, а также желая восстановить порядок в соседних землях, Россия в 1871 году оккупировала Илийский край (Кульджу), однако 10 лет спустя вернула захваченную территорию Китаю.

Здесь надо отметить, что постепенно зарождавшиеся на западной окраине Срединной Империи встречные потоки русской и английской экспансии сдерживались во многом тем обстоятельством, что Центральная Азия в ту пору представляла собой по большей части огромную terra incognita — неведомую землю, еще не исследованную европейскими учеными. Особенно большой интерес вызывал самоизолировавшийся от окружающего мира и не допускавший европейцев в свои пределы Тибет. Именно к нему в 1860-е годы почти одновременно обратили взоры Англия и Россия. К этому времени Англия уже подчинила своему влиянию ряд территорий — ламаистских культурных областей — вдоль Гималайского хребта, таких как Дарджилинг, Таванг, Лахул и Спити, Ладак (к которым в 1865 г. будет присоединен Бутан), и таким образом вплотную придвинулась к тибетской границе.

* Йеттышар — самоназвание государства уйгуров и дунган. В России того времени его называли Кашгаром или Кашгарией.

В 1863 году Геодезическая служба Британской Индии приступила к рекогносцировке земель, лежащих к северу от Мустака и Каракорумской гряды и к востоку от Ладака — т.е. Восточного Туркестана. Осуществление этой задачи, имевшей большое военно-стратегическое значение, англичане возложили на коренных индийцев, поскольку было известно, что индийские торговые караваны беспрепятственно курсируют между Ладаком (Малым Тибетом, с 1846 года в сфере влияния Англии) и Яркендом, одним из основных туркестанских оазисов.

Идея использования «туземных кадров» с целью проведения маршрутной съемки и сбора различной информации получила поддержку со стороны Бенгальского Азиатского общества и англо-индийской администрации. Успех же первой экспедиции побудил Геодезическую службу расширить сферу деятельности и перейти к исследованию «запретного» Тибета. В 1865 году, пройдя соответствующую подготовку под руководством опытных военных топографов — полковника Дж. Уокера и капитана Т.Г. Монтгомери, в Лхасу из Катманду под видом благочестивых пилигримов отправляются два индийских «пандита» (от санскритского *paṇḍita* — «ученый брахман») — Наин Сингх и Мани Сингх — двоюродные братья, принадлежавшие к племени бхотиев из Кумаона. Пандитам поручили пройти съемкой от озера Манасаровар в Юго-Западном Тибете до Лхасы, для чего их снабдили необходимыми инструментами — секстантами, компасами, термометрами, хронометрами и часами. Все эти приборы были тщательно спрятаны в их одежде и в немногих дорожных «принадлежностях» паломников — в посохах и молитвенных цилиндрах. Вопреки расчетам англичан, лишь одному из братьев, Наину Сингху, удалось дойти до Лхасы и вернуться в Индию, выполнив, с немалым риском для жизни, порученное ему задание. В дальнейшем пандиты в течение почти двух десятилетий продолжали тайно проникать в Тибет, при этом особенно значительных достижений с точки зрения географической науки удалось добиться Наину и Кишену Сингхам, Лалу и Кинтупу [2].

В 1868 году — два года спустя после возвращения Наина Сингха в Индию — Т.Г. Монтгомери неожиданно опубликовал отчет о его путешествии со всеми результатами съемок в Журнале Королевского Географического общества [3]. Таким образом, конспирация была нарушена, хотя имя пандита в отчете и не называлось, и весь мир узнал о хитроумной затее англичан. (Что, впрочем не помешало Геодезической службе еще долгие годы проводить «рекогносцировки» в Тибете). О «похождениях» Наина Сингха стало известно и в российской столице —

Географическому обществу и Главному штабу — организаторам всех крупных научных экспедиций того времени. (Еще раньше, в 1866 г. из того же самого журнала в России узнали об исследованиях англичан в Яркенде [4]). Инициативы Калькутты не могли не вызвать вполне определенных чувств у русских ученых и политиков. Но уже вскоре Петербургу представилась возможность ответить на «вызов» англичан. В конце марта 1869 года генконсул в Урге Я.П. Шишмарев известил Азиатский департамент МИД и РГО, членом которого он состоял, о смерти высшего иерарха буддийской церкви Монголии — 7-го Богдо-гегена, Джебдзун-Дамба-Хутухты, и о намерении монгольских князей и духовенства отправить в Тибет посольство для отыскания нового его перерождения. Сообщение Шишмарева было доведено до сведения членов РГО на общем собрании, состоявшемся 2 апреля [5], а уже на следующий день действительный член Общества, подполковник Генштаба П.А. Гельмерсен [6] подал докладную записку вице-председателю РГО графу Ф.П. Литке с предложением о посылке с монгольским посольством агента для сбора сведений о Тибете. В записке Гельмерсена, в частности, говорилось:

«Посольство это представляет драгоценный и редкий случай проникнуть в Тибет, случай, какой, особенно при нынешнем смутном состоянии Западного Китая, едва ли скоро может представиться.

Путь посольства от Урги до Хуху-хото* еще совершенно не обследован, а оттуда до Лхасы пройден только миссионерами Хюком и Габе [7], но, как известно, описание их, при всей живости изложения, лишено некоторых существенных условий ученого труда и не пользуется доверием, а потому отправление с посольством человека европейского образования и знакомого с Востоком могло бы обогатить географию весьма ценными приобретениями.

Восточные посольства всегда чрезвычайно многочисленны и сопровождаются купеческими караванами, к которым весьма удобно может присоединиться постороннее лицо, не отличающееся наружностью от монгола, особенно если этот путешественник примет роль торгующего ламы-богомольца, явления весьма обыкновенного. Опасность путешествия в значительной мере устраняется, даже если откроется национальность путешественника, тем, что бурятские ламы из Забайкалья довольно часто ездят в Тибет» [8, л. 1-1об.].

Последнее утверждение Гельмерсена, однако, является не совсем верным, так как известно, что традиционные связи бурятских, равно как и калмыцких буддистов с Лхасой прервались в самом конце XVIII века по причине уже упоминавшейся изоляционистской политики властей Тибета. В Лхасу допускались лишь халха-монголы (жители Внешней Монголии,

* совр. Хух-хото — монг. «Голубой город» (кит. Гуйсуй) — административный центр автономного района Внутренняя Монголия (КНР).

или Халхи), поскольку они считались подданными Богдыхана — Китайского Императора (в вассальных отношениях к которому до 1913 года находился и Тибет). Буряты же и калмыки, как подданные Русского царя, приравнивались малосведущими в географии тибетцами к «европейцам», несмотря на их этническое родство с монголами и исповедание буддизма.

В подтверждение своей мысли о том, что бурят, посланный в Лхасу с монголами, сможет собрать необходимые России сведения о Тибете, Гельмерсен ссылался на недавний опыт англичан:

«Возможность производства точных географических работ в Тибете блистательно доказана путешествием индусов в 1866 году, которое служит прекрасным указанием для будущих путешественников, в особенности в отношении устройства инструментов, чрезвычайно остроумно приспособленных к буддийским молитвенным приборам» [8, л. 2].

Далее он предлагал кандидата, способного осуществить «подобное предприятие», — бурята Найдака Гомбоева, переводчика маньчжурского языка при губернаторе Амурской области. Гомбоев характеризовался как «основательный знаток монгольского и маньчжурского языков, знакомый с китайским и письменным тибетским», а также как «опытный путешественник» [8, л. 2]. Возможно, что это тот самый Гомбоев, который впоследствии в течение почти трех десятилетий прослужил начальником почтовой конторы при русской миссии в Пекине [9]. В литературе он более известен как Николай Гомбоев, что, возможно, говорит о принятом им крещении. Расход на поездку, по мнению Гельмерсена, «сравнительно с важностью дела будет невелик и может быть покрыт из средств Сибири и Географического общества» [8, л. 2об.]. В заключение Гельмерсен сообщал, что представит свой план «на благоусмотрение» Генерал-губернатора Восточной Сибири.

Предложение военного географа встретило живейший отклик и сочувствие у Ф.П. Литке и других членов Совета РГО, среди которых, между прочим, был и начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден. 13 июля 1869 г. Литке направляет письмо М.С. Корсакову (Генерал-губернатору Восточной Сибири) с просьбой оказать содействие проекту Гельмерсена [8, л. 3-3об.].

Лишь через полгода — в начале 1870-го — Литке получил ответ от Корсакова из Иркутска и вместе с ним отдельную записку под грифом «секретно», составленную в Главном Управлении Восточной Сибири по распоряжению губернатора, содержащую сведения «относительно отправления из Урги в Тибет экспедиции за Гыген-хутуктой» [10].

(Частично опубликованы в том же году в «Известиях ИРГО» [11]). Из этой записки мы узнаем, что монгольские власти предварительно отправили в Тибет в ноябре 1869 г. делегацию или посольство в составе семи человек под начальством ургинского Да-ламы* «для разведывания о перерождении Хутукты». Однако из-за дунганских беспорядков монголам пришлось добираться длинным кружным путем — через Пекин, Нанкин и далее в направлении Сычуаньской провинции, а не прямо через Ганьсу на Тибет, как обычно ходят монгольские караваны. Известия от этой делегации в Урге ожидали получить в начале осени. Основное же посольство, которому надлежало доставить новорожденного Хутухту в Монголию, предполагалось отправить в Тибет не ранее будущего, 1871 года. При этом автор записки пояснял, что даже если Хутухта отыщется в Тибете, перевезти его можно будет лишь по прошествии двух или трех лет, когда младенец окрепнет настолько, что будет в состоянии перенести столь тяжелую поездку [8, л. 6].

О возможности отправки с этим посольством агента в записке говорилось следующее:

«Что касается до присоединения к этому посольству, то это будет довольно легко устроить. В Урге есть один бурятский лама, знающий хорошо тибетский язык, как разговорный, так и письменный. Он хорошо знаком с тибетцами, ему прежде нередко приходилось находиться у тибетцев в Урге и, к тому же, он недавно ездил чрез Хуху-хото в буддийские священные горы «Утай-шань» (китайские слова: гора о пяти вершинах), которые находятся в 200 или 300 верстах от Пекина на юго-запад. Оттуда ему пришлось возвратиться через Пекин или Калган обратно. В Утайских горах находится много тибетцев, с которыми ему также приходилось часто встречаться. Таким образом, он отлично познакомился с тибетским языком и обычаями. Лама этот ныне в Урге успел переговорить с тибетцами и другими лицами, имеющими намерение ехать с посольством в Тибет, *о присоединении себя с одним поклонником* (курсив А.А.) к этому посольству; тибетцы очень одобрили его желание и обещали взять с собой. В случае же надобности, лама может достать от Шабинского ямуна (присутственное место Гьгенского ведомства) вид на свободный проезд в Тибет, как это делал он в свою поездку в Утай. Билет, конечно, будет написан на имя какого-нибудь монгольского ламы; с подобного рода видом путешествие будет безопаснее.

Из лиц, известных в Урге, старший наставник Хутукты Йонцзон-Хамба-Номон-Хан хлопчет ехать на родину, и он тоже не прочь взять упомянутого *ламу с одним человеком* (курсив А.А.), с ним-то было бы хорошо поехать, но его Пекинский двор почему-то неохотно отпускает в

* Да-лама — должностное лицо при шанцзотбе (управляющем казной Хутухты), не принимающее высших духовных обетов (см.: Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 97, 101).

Тибет; недавно дали ему из Пекина почетный титул «Номон-Хан» (духовный царь) и предложили остаться в Урге, до нового Хутукты, но Хамба, несмотря на ласки Пекинского двора, не хочет остаться в Урге и хлопочет об отъезде через одного своего приближенного ламу, живущего в Пекине» [8, л. боб., 7-7об.].

Это второе посольство определенно вызывало интерес у Петербурга не только потому, что позволяло ему негласно провести разведку в Тибете. Ургинские Хутухты издавна оказывали большое влияние на религиозную жизнь бурятов-ламаистов Забайкалья, а 7-й Джебдзун-Дамба незадолго до своей кончины даже выражал желание переродиться не в Тибете, а в Халхе или России, о чем генконсульство в Урге доводило до сведения руководства МИД [12].

Здесь необходимо отметить, что русское представительство в Халха-Монголии, с момента его учреждения в 1861 г. в соответствии с Пекинским трактатом, играло не только роль «аккумулятора» информации о монгольских делах для Петербурга, но и служило исходным пунктом для различного рода экспедиций. Известно, что в 1860-х годах ургинское генконсульство активно занималось сбором сведений о дотоле малоизученной стране. Так, в 1864 г. сам генконсул Я.П. Шишмарев совершил поездку к истокам Онона, а в 1868 г. отправился в Улясутай — главный город Западной Монголии, который до того времени не посещал ни один европеец. Отчет Шишмарева об этой поездке был первым рассказом очевидца об Улясутае и окружавшей его стране. Из Улясутая генконсул отправил одного из своих помощников в Минусинск, что позволило таким образом проложить новый маршрут по совершенно неисследованной части Монголии. Несколько ранее, не без помощи того же Шишмарева, купец Головкин посетил Долон-нор (в 1862), а уже знакомый нам П.А. Гельмерсен совершил экскурсию к озеру Косогол (в 1863). И вот, в 1873 году появилась великолепная возможность расширить познания русских географов не только о Монголии, но и о застенном Китае, и даже о далеком Тибете, используя для этого монгольское посольство, — возможность, которая была слишком соблазнительной, чтобы Петербург мог ею пренебречь.

Дунганское восстание, охватившее ряд провинций Западного Китая, в том числе и Ганьсу, задержало, однако, отправку посольства за Хутухтой. (Переродившийся в Тибете в 1870 году, он будет последним — Восьмым Джебдзун-Дамба — воплощением Таранатхи, после смерти которого в 1924 году революционное правительство Монголии окончательно ликвидирует теократический институт власти и объявит страну

«народной республикой»). Только в начале 1873 г., после того как цинско-маньчжурские войска разгромили дунган и взяли под контроль большую часть провинции Ганьсу, монголам удалось отправить в Тибет свое посольство. Караван выступил из Урги 24 марта. По сведениям Я.П. Шишмарева, монгольская делегация состояла из одного *вана* (князя высшей степени) и четырех князей более низких степеней, по одному от каждого из халхаских княжеств, одного *да-ламы* Шабинского ведомства, *эрдени-хамбо* (доверенного лица Панчен-ламы, или Баньчен-Эрдени) и нескольких китайских чиновников. К посольству присоединилось около тысячи монгольских верующих, получивших таким образом возможность побывать в Лхасе. Более тысячи верблюдов везли необходимое в дороге продовольствие, подарки Далай-ламе, Панчен-ламе и другим знатым тибетским ламам, а также походный дворец для Богдо-гегена [13, с. 186]. Любопытно, что с этим посольством в июне того же года в районе Алашаньского княжества встретился наш Пржевальский, возвращавшийся на родину по окончании своей первой центральноазиатской экспедиции, о чем рассказывал так:

«На одном из переходов по южному Алашаню мы встретились с караваном монгольских богомольцев, направлявшихся из Урги в Лхасу. С начала дунганского восстания, в течение 11 лет, такие поклонники не осмеливались ходить в столицу Далай-ламы, но теперь, после занятия средней части Ганьсу китайскими войсками, в Урге был снаряжен большой караван (до 1000 палаток, по словам монголов) за Хутуктою, умершем несколько лет тому назад в Богдо-курени (т.е. Урге — А.А.) и возродившимся в Тибете. Богомольцы были разделены на несколько эшелонов, которые следовали один за другим и должны были все собраться на Куку-норе. Встретившись с нами, передовые монголы простодушно воскликнули: «посмотрите, куда забралась наша молодежь», и сначала не хотели верить тому, что мы, вчетвером, пробрались в Тибет» [14].

Не менее любопытно и другое. В своей заметке со сведениями о монгольском посольстве, опубликованной в Известиях ИРГО в конце 1873 года, Шишмарев дал подробное описание всего маршрута между Ургой и Лхасой. Этот маршрут, по его словам, был в свое время утвержден китайским правительством и не подлежал изменению. Шишмарев сообщал, что весь путь делится на три части — от Урги до стойбища (резиденции) Алашаньского князя, от этого стойбища до озера Кукунора (незадолго до того впервые обследованного Пржевальским) и от Кукунора до Лхасы. При этом он указывал установленные места ночлегов каравана вдоль всей дороги [13, с. 186-190]. «Уже от Синин-фу, — писал Шишмарев, — настоящий маршрут совпадает с путем Гука, у которого и

описываются некоторые урочища, совершенно под теми же названиями, например, Бурхан-богдо, Шухэй и т.п. Это обстоятельство придает особый интерес маршруту и, вместе с названиями некоторых местностей в Монголии, положение которых уже известно (например, Цанчира), позволяет проложить на карту всю эту «посольскую» дорогу более или менее правильно» [13, с. 189, прим.]. Создается впечатление, что проверка этого маршрута на местности и должна была составить одну из главных задач ламы-разведчика, поскольку это был наиболее доступный и удобопроходимый путь из России в Тибет. Всю длину пути между Ургой и Лхасой Шишмарев оценивал в 3250 верст, при этом он указывал, что караваны делают по Монголии до 40 верст в день, в горах же не более 30 [13, с. 191]. Таким образом, общая продолжительность путешествия, включая длительную стоянку на Кукуноре для отдыха и подкорма вьючных животных, составила бы около четырех месяцев.

Был ли среди монгольских богомольцев Найдак Гомбоев, мы не знаем. Тем не менее, можно с большой уверенностью говорить о том, что в составе ургинского каравана находились два других российскоподданных бурята — лама-учитель и его ученик, которым, судя по информации Шишмарева, не стоило слишком большого труда присоединиться к одной из групп монголов-паломников. Имя ученика — Агван Доржиев — ныне весьма почитаемо среди буддистов России и Монголии. В своей автобиографии, написанной на тибетском языке, Доржиев сообщает, что в возрасте 19 лет (а родился он в 1853/54 г.) отправился в Тибет вместе со своим наставником — ламой Пенден Чомпелом (Чопел Пелзангпо) [15]. В этой связи возникает вопрос: не являются ли они той «бурятской парой» — «ламой с одним поклонником» — о которой говорится в посланной Корсаковым в Петербург записке? И если это так, то вполне можно предположить, что один из бурят или даже оба они приняли на себя поручение по сбору информации о Тибете. Насколько справедливо такое предположение?

Начнем с Агвана Доржиева как личности более нам известной. К сожалению, о раннем периоде его жизни — до поездки в Тибет — мы знаем очень мало. Имеются сведения, что он получил первоначальное конфессиональное образование в Ацагатском дацане, учился в Урге и служил некоторое время писарем в канцелярии Хоринской степной думы в Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ) [16], а это значит, что юноша был грамотным — владел монгольским и тибетским языками, а также до некоторой степени и русским. Это обстоятельство, равно как и тот факт, что в Лхасу Доржиев должен был идти «под прикрытием» своего учителя

и влиятельного Йонцзон-хамбы, могли сыграть решающую роль в выборе его кандидатуры, если, конечно, предположить, что в Петербурге или Иркутске по каким-то причинам решили отказаться от услуг Н. Гомбоева.

Что касается спутника Доржиева, ламы Пенден Чомпела, то о нем нам почти ничего неизвестно. Доржиев лишь сообщает, что принял от него «мирской обет безбрачия», и употребляет с его именем гонорифический титул «великий настоятель, Держатель Ваджры». Возможно, речь идет о бурятском аскете-проповеднике из Агинского дацана, знаменитом Намнанай-гегене, известном также под именем Жанчуб Цултим Пелзангпо, как предполагает английский исследователь Джон Снеллинг [17]. Намнанай-геген прославился тем, что в течение 22 лет предавался суровой аскезе на святой горе Алханай, за что получил прозвище «Бурятский Миларепа», и, если верить преданию, он тайно принес из Тибета в Забайкалье тантру Ямандаги. В мемуарах самого Доржиева, однако, имя этого великого подвижника в тибетизированной форме, Намнанг Бакши, появляется чуть позднее в качестве одного из его наставников в монастыре Утайшань [18], что естественно наводит на мысль о двух разных людях. (Если только не предположить, что один и тот же человек фигурирует в повествовании Доржиева под разными именами). К тому же, мы не знаем, ходил ли Намнанай-геген в Тибет в 1873 г., поскольку дошедшая до нас его биография на тибетском языке еще не прочитана тибетологами [19]. Таким образом, вопрос о ламе — учителе Доржиева, совершившем вместе с ним путешествие в Тибет, остается открытым. Но кто бы ни скрывался за именем Пенден Чомпел, этот человек очевидно пользовался достаточным авторитетом в ламаистском мире и имел тесные связи с высшим монгольским и тибетским духовенством в Урге, что и позволило ему присоединиться к посольскому каравану. Если же принять во внимание, что бурятское дацанское ламство в XIX веке весьма охотно сотрудничало с русскими властями в Восточной Сибири, то учителя Доржиева также вполне можно считать подходящей кандидатурой для выполнения ответственного поручения Петербурга.

В тибетской столице Агван Доржиев пробыл вместе со своим наставником недолго — вероятно, несколько месяцев — поскольку уже в 1874 г. с тем же монгольским посольством — «с караваном свиты Восьмого Богдо-гегена — Джибдзун-Дамбы-хутугту», как пишет его бурятский биограф Г.Н. Заятуев, вернулся в Ургу, а оттуда на родину в Забайкалье [20]. Доржиев не рискнул остаться в Лхасе на более длительный срок, хотя и поступил, если верить его запискам, в одну из престижных монастырских школ — Гоман-дацан в Дрепунге (под Лхасой),

объясняя это тем, что в Тибете в те дни вышел указ, запрещавший иностранцам-европейцам въезд в Страну снегов. Этот указ гласил: «Если кто-то вместе или при содействии какого-либо лица проникнет в страну, то кем бы ни был этот человек, его имущество должно быть немедленно конфисковано, сам он зашит в шкуры и выброшен в реку» [21]. К тому же, для обучения в Гоман-дацане требовались определенные средства, которых Доржиев не имел, поэтому он, по совету своего учителя, и вынужден был вернуться в Ургу.

Рассказ Доржиева кажется правдоподобным, и мы могли бы удовлетвориться его объяснениями, если бы не знали о тайном плане РГО и Главного штаба. Обращение же к дальнейшей биографии Доржиева еще более подводит нас к мысли, что его первая довольно недолгая поездка в Тибет вполне могла быть связана с реализацией этого плана, будь то своими силами или при содействии Пенден Чомпела. Известно, что в конце 1870-х Доржиев вновь отправляется в Тибет, на этот раз с китайским караваном из монастыря Утай, и вторично поступает в Гоман-дацан. В 1888 г., по окончании обучения в нем и получении высшей ученой степени «геше-лхарампа», Доржиев остается в Лхасе, где в короткое время делает головокружительную и абсолютно беспрецедентную для бурятского монаха-ученого карьеру — становится одним из учителей («цаншабов»)* и ближайших советников юного XIII Далай-ламы. Именно по его подсказке владыка Тибета в конце 1890-х начинает активно искать сближения с могущественной державой Белого Царя, чтобы не допустить захвата страны англичанами, для чего посылает Доржиева с ответственной политической миссией в Петербург. Но еще до этого — в 1895 г. — Доржиева тайно посещают в Лхасе несколько бурят, «торговых агентов» П.А. Бадмаева, под видом паломников проникших в страну для сбора политической и экономической информации о Тибете. Влиятельный советник Далай-ламы, очевидно, оказал им какую-то помощь, поскольку уже в следующем году русское правительство неожиданно пожаловало ему — «ламе Агвану» — царский подарок: золотые часы с вензельным изображением Высочайшего имени [22].

И все же приведенные факты не дают достаточных оснований, чтобы говорить о существовании тайных связей между Лхасой и Петербургом или называть Доржиева «русским агентом» в Тибете, как это делают, довольно голословно, некоторые авторы [23]. Во всяком случае, если бы Доржиев и его учитель-лама занимались в дороге, подобно пандитам, какими-либо измерительными манипуляциями, то полученные

* тиб. mtshan-zhabs — партнер Далай-ламы по философским диспутам.

ими результаты, ввиду их исключительной научной ценности, скорее всего отложились бы в анналах Географического общества и Главного штаба. Поэтому высказанное мною предположение, что юный Агван мог иметь задание от русских властей во время своей поездки в Лхасу в 1873 г., остается пока что не более чем гипотезой.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что сама идея засылки из России в Лхасу исследователя-разведчика, по примеру индийских пандитов, уже витала в воздухе на рубеже 1870-х — задолго до того, как бурят Г. Цыбиков совершил свое «научное паломничество» в Тибет — как об этом свидетельствуют приведенные выше документы из архива РГО. В то же время рекогносцировки пандитов несомненно дали мощный импульс продолжавшимся более трех десятилетий исследованиям Тибета Пржевальским и его последователями. Пржевальский был хорошо осведомлен не только о путешествии Наина Сингха, но и других индийцев [24] — так в своей книге о первой Тибетской экспедиции 1879-1880 гг. он упоминает посещение пандитами Лхасы в 1866, 1871 и 1873 гг. Более того, Пржевальский непосредственно пользовался результатами этих поездок. В одном из экспедиционных дневников, описывая встречу с посланцами Далай-ламы, остановившими его на подступах к Лхасе, путешественник рассказывает, что «достал карты Тибета и съемки, сделанные здесь пандитами», — чтобы еще более «пострадать тибетцев против англичан», и затем обратился к ним с такими словами: «Вот карты вашей страны, сделанные английскими шпионами, а между тем, вы думаете, что страна ваша неизвестна». Для убедительности он прочитал несколько названий местностей и расстояния между ними. «Я хотел показать это вашему царю, — добавил он, — но вы меня к себе не пустили, теперь пеняйте на самих себя». «Нужно было видеть, — пишет Пржевальский далее, — что делалось с тибетцами, никогда не ожидавшими подобного сюрприза. На лицах их выражались и удивление, и ужас». Придя в себя, старший посланец затем спросил Пржевальского, давно ли были сделаны эти съемки, и еще более удивился, когда тот ответил: «Не более 4-5 лет тому назад» [25]. (Этот эпизод по понятным соображениям не вошел в опубликованную книгу Пржевальского).

Пржевальский — русский патриот и ярый англофоб — пристально следил, насколько можно судить, за развитием событий на индо-тибетской границе, испытывая беспокойство по поводу усиливавшейся английской экспансии в направлении Тибета. Военное столкновение между англичанами и тибетцами на тибетской заставе Лунгтхур в марте 1888 г. не ускользнуло от его внимания. В том же году, излагая план своей

последней, пятой экспедиции по Центральной Азии в письме новому военному министру П.С. Ванновскому, он писал, очевидно с намеком на этот инцидент: «Помимо научных результатов, вероятно, можно будет собрать сведения относительно нынешних действий англичан через Сикким к Тибету и о настроении тибетцев» [26]. Путешественник-разведчик, как известно, умер в пути, не успев начать новых исследований, а через два года (в 1890-м) англичане окончательно установили протекторат над Сиккимом.

Санкт-Петербург,
2.XI.1998

Примечания

1. Рерих Н.К. Сердце Азии // Н.К. Рерих. Избранное. М., 1979. С. 176, 177.
2. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1985. Т. 4. С. 187-189.
3. Capt. Montgomerie T.G. Report of a Route-Survey by Pundit , from Nepal to Lhasa, and thence through the Upper Valley of the Brahmaputra to its Source // The Journal of the Royal Geographical Society (JRGS). Vol. 38. London, 1868. Pp. 129-219. Известия РГО в 1869 г. дали обзор путешествия и съемок, сделанных в Тибете первыми пандитами в 1865-1866 и 1867 гг. См.: Т. V, отд. II. Географические известия. Последние исследования в Тибете. С. 5-12; Исследования пандитов в Тибете. С. 93-95.
4. Capt. Montgomerie T.G. On the Geographical position of Yarkend and some other places in Central Asia // JRGS. Vol. 36. London, 1866.
5. Известия ИРГО. 1869. Т. V. С. 136. Секретарь РГО бар. Ф.Р. Остен-Сакен, очевидно, опираясь на информацию Шишмарева, сообщил на этом собрании, что Ургинский Хутухта умер в декабре минувшего, 1868 года (с. 138). Однако по сведениям А.М. Позднеева, в будущем известного монголиста, Богдогеген скончался весной 1869 г., в возрасте 19 лет. См.: Позднеев А.М. О смерти Ургинского Чжабдзун Дамбу Кутукту. ОР РНБ. Ф. 590, д. 156, лл. 1-4. Автограф.
6. П.А. Гельмерсен (?-1877) впоследствии был членом Совета РГО (1872-1876 и со 2 марта 1877 до смерти) и помощником председателя отделения физической географии (1872-1877).
7. Huc. Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les annees 1844, 1845 et 1846. T. 1, 2. Paris, 1850. Русский перевод: Гюк Е.Р. Путешествие по Татарии Е.Р. Гюка. СПб—М., 1866.
8. Архив РГО. Ф. 1 (1869), оп. 1, д. 10 (О сборе сведений о Тибете), Записка П.А. Гельмерсена от 3 апреля 1869.
9. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893-1922. М., 1959. С. 58. Г.С. Митыпова в брошюре «Ацагатский дацан, 1825-1937» (Улан-Удэ, 1995) упоминает «русского посланника в Пекине буряты Найдана Гомбоева», находившегося в китайской столице во время подавления Боксерского восстания (лето 1900) (с. 32).
10. Архив РГО. Ф. 1 (1869), оп. 1, д. 10. л. 5-5об. Письмо М.С. Корсакова Ф.П. Литке от 22.1.1870. На первой странице имеется надпись, сделанная

красным карандашом: «Особое дело о посылке агента в Тибет». Приложенная к письму записка на 3-х листах озаглавлена: «Выписка из сведений, собранных в Урге о посольстве, отправляемом в Тибет за Гыген-хутуктой».

11. Известия ИРГО. 1870. Т. IV. Отд. 2. С. 82.

12. РГИА. Ф. 797, оп. 41 (2 отд., 3 стол), д. 103. Записка А. Кармазова «Об Ургинском Хутукте» (январь 1871).

13. Шишмарев Я.П. Маршрут из Урги в Хлассу // Известия ИРГО. 1873. Т. IX. № 6.

14. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. СПб., 1875. Т. I. С. 362.

15. В существующих двух английских переводах тибетской автобиографии Агвана Доржиева приводятся несколько отличающиеся друг от друга транслитерации имени его бурятского учителя — Penden Chomphel (Norbu Th.J. Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke Bunka Kenkyu. 1991. № 17. P. 11) и Chopel Pelzangpo (S. Batchelor. The Autobiography of A. Dorjiev, with annotations by Kenzur Ngawang Nyima. Manuscript), что, возможно, объясняется тем, что эти переводы были сделаны с различных списков тибетского текста.

16. Snelling J. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftesbury, Dorset, 1993. Pp. 13, 14, 20. См. также: Пубаев Р.Е. А. Доржиев // Национально-освободительное движение бурятского народа. Улан-Удэ, 1989. С. 94.

17. Snelling J. Op. cit. P. 13.

18. Norbu Th.J. Op. cit. Pp. 12, 55 (п. 42).

19. Dpal-ldan bla-ma dam-pa mal-'byor-gyi dbang-phyng byang-chub tsul-'khrims dpal-bzang-po'i rtogs-brjod gus-ldan dad-pa'i chu-gter 'phel-ba'i zla-ba'i snang-bdzhesh-bya-ba bzhugs-so (Сокровищница влаги веры. Возвышенное повествование о преславном святом ламе, владыке йогинов Жанчубе Цултима Пелзангпо, именуемое «Сияние растущей луны»). Копия рукописи // Личный архив А.А. Терентьева.

20. Заятуев Н.Г. Цанид-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991. С. 6, 7.

21. Norbu Th.J. Op. cit. Pp. 11. Перевод на русс. яз. по кн.: «Предание о кругосветном путешествии» или Повествование о жизни А. Доржиева. Улан-Удэ, 1994.

22. Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы. СПб—Самара—Прага, 1997. С. 14.

23. Так, например, известный немецкий ориенталист В. Фильхнер утверждал в начале 1920-х, что А. Доржиев установил тесный контакт с русским МИД и информационным отделом Генштаба еще в 1885. В том же духе московский журналист О. Шишкин называет Доржиева «самым крупным разведчиком Русского Генерального Штаба на Тибете» и заявляет, что он носил агентурную кличку «Шамбала». См.: Filchner W. Sturm über Asien. Erlebnisse eines diplomatischen Geheimagenten. Berlin, 1924. P. 5; Шишкин О. Исчезнувшая лаборатория // Огонек № 34, август 1995. С. 71.

24. Источником информации для Н.М. Пржевальского, вероятно, служили издававшиеся Геодезическим бюро в Дера Дуне отчеты: Report on the operations of the Great Trigonometrical Survey of India, Dehra Dun (в библиотеке РГО имеются выпуски этого издания за 1873, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883, 1885 годы).

25. Архив РГО. Ф. 13, оп. 1, д. 68, л. 89об., 90 (Запись от 3.12.1879).

26. Архив РГО. Ф. 13, оп. 3, д. 5, л. 7об. Письмо Н.М. Пржевальского П.С. Ванновскому. Черновик, 6/д. Об англо-тибетской стычке в Лунгтхуре см.: Shakabpa Th.W.D. Tibet. A Political History. N.Y., 1984. Pp. 199, 200.